

КАИР КАК ШЕДЕВР MONITORY DEMOCRACY

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Египет разочаровал уже многих. Ждали, что юная демократия выскочит из социальных сетей, как дети из кустов с криком «Падайте — мы всех убили!». Энтузиасты опечалены рыхлостью уличных сил, которыми власть успешно латает свои боевые машины. Каструли на головах феллахов не спасают от комбинированного воздействия ТВ, исламистов и военной контрразведки. Социальный вес «Братьев-мусульман» признан неприятно. И журналисты переключились на что-то простое и понятное им, например «Фейсбук». Толпе льстят, будто бы она теперь стала **умной толпой — smart crowd**. Рассказывают, как «океан информации и технологий» затапливает «оплоты тирании». О том как «Твиттер» рождает власть. О да, но *чью власть?*

Говорят, в порнотеатрах интересней всего наблюдать за аудиторией. Революция в Каире — это пир наблюдателей. Пока на площадях безумствуют и пишут в «Твиттер», за происходящим хладнокровно следят, корректируя тактику исламисты — и военная контрразведка Египта. Историк демократии Джон Кин предсказал *monitory democracy* — «следающую» демократию будущего, неотличимую от толпы.

Но военная контрразведка Египта так себя и ведет. Пока граждане увлеченно следят за правительствами, правительства таким же образом следят за гражданами, корректируя тактику и программы телевидения. Дав улице разбушеваться и «отгрызть себе лапы», военные реалисты проследили зверя до его берлоги. Как и ожидалось, реальные силы Каира — не «Твиттер». Это центры массового телевидения («Аль-Джазира») и центры власти — финансовой, региональной и мировой. Эффект дают не новые технологии, а комбинированная игра оснащенных ими машин.

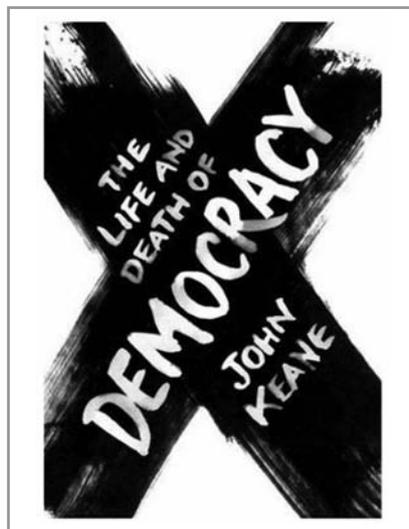
Внешне сегодня все на стороне толпы, а пропагандисты автократий выглядят растянными. Человек с коммуникатором в кармане требует переживаний — частых, ярких и недорогих. Мобильность, дешевизна собирания групп и эмоциональность — все на его стороне. Но ведь люди хотят эмоций не просто «ярких», но безопасных. Кто обеспечит безопасную болтовню и «неограниченный выбор»? **Те, кто это сделают, и будут властью.**

В игре выиграет не дилетант с коммуникатором, а тот, кто наблюдает поле и продумывает ходы — ему проиграть нельзя. Это в компьютерных играх проигрываешь с комфортом, а не в играх Востока, где **победитель и есть власть. Новая власть.** Чтобы переиграть противников, властям придется обновиться. Военная контрразведка не предложит улице «нарратив». Новому нарративу обучат власть бунтари, вернувшиеся с площадей, полных крови, кала и битого стекла.

Сетевые революции расширяют поле конкурирующих сил, но сильнейшей из них опять-таки будет власть. Власть обучаема.

У египетских военных были хорошие учителя — советские и китайские советники, затем американцы и израильтяне. Теперь их тренирует «Твиттер-революция», собранная с глобальными медиа в политический механизм. Новые **«боевые социомашинны» власти** устойчивы к новым технологиям. Если они это докажут, революция в Египте станет глобальным прецедентом нового властвования.

Улица не родит власть, но улица заставит власть властвовать иначе. Комбинируя новые средства и сюжеты, рисуя впечатляющие картины яркими красками из социальных сетей, власть даст людям больше выбора, чем революция. Правда, это будет не совсем тот выбор, о котором известно из теории демократии. Это — серфинг в потоке образов, сообщений и эмоциональной горячки, «выносящей мозг». Новая власть «тысячи и одного нарратива» даст человеку новую дозу эмоций, вместе с дешевой и удобной их доставкой. Такая власть войдет в океан коммуникаций смело, как русский турист в акульи воды Шарм-эль-Шейха. ■

Термин «следающая демократия» впервые был предложен Джоном Кином в книге «Жизнь и смерть демократии» (2009).